

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА
СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ ТЮРКОЛОГОВ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

TURCOLOGICA

1986

*К восьмидесятилетию
академика
А. Н. КОНОНОВА*

ЛЕНИНГРАД
ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
1986

И. В. Коржушин

ТЕКСТОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗЫСКАНИЯ В ОБЛАСТИ ЕНИСЕЙСКОЙ РУНИКИ

(К ВОПРОСУ О ЖЕНСКИХ ПОМИНАЛЬНЫХ НАДПИСЯХ)

В тюркской рунологии хорошо известно, что енисейские эпитафии заметно отличаются от надписей Монголии. Если «царские», по выражению А. Н. Кононова,¹ поминальные тексты в честь каганов и их высших сановников значительны по объему и разнообразны по содержанию, хотя и несут на себе печать определенной однотипности текстовой организации, то в сравнении с ними надписи из Тувы и Хакасии, посвященные памяти провинциальных правителей и их приближенных, более коротки, иногда лапидарны, а ввиду этого оказываются и более однородными, в целом ряде случаев достаточно однообразными.

Это обстоятельство было отмечено уже В. В. Радловым (напомним, первым прочитавшим и осмыслившим енисейские памятники), который квалифицировал их содержание как «аналогичное». «В них, — писал он, — покойный чаще всего от своего лица сетует на то, что он отделился от своих родных, князей, друзей, подданных и своего имущества и не может больше быть с ними, называет своих родителей, свое имя и положение и сообщает некоторые данные из своей жизни».² Важно при этом, что каждому содержательному элементу эпитафии — как названным выше, так и еще нескольким другим — соответствует ограниченный набор словесных клише, что делает надпись по способу языкового выражения в значительной мере трафаретной.

Трафаретность енисейских надписей (при том, что многие из них небольшого объема) оборачивается не только ничтожной величиной языкового материала (В. В. Радлов), но и таким своеобразным положением, когда прочтение и понимание любого необычного слова при общей краткости контекста оказывается делом весьма трудным, часто основанным лишь на интуиции, а потому не до конца убедительным. То же самое можно сказать и об извлечении какого-либо нетрадиционного содержания из понятного, казалось бы, вплоть до деталей, хорошо читаемого, грамматически и лексически связного текста. Настоящая статья является некоторой иллюстрацией к данным положениям.

Обратимся к шестому енисейскому памятнику (Барык II), одному из наиболее благополучных как по полноте сохранности, так и по ясности в лексико-грамматическом отношении.

Транслитерация ³ текста:

(1) künĭ tĭrĭg° üĈ jašĭMdA° qaqšĭZ° boldĭM

(2) külüg° totuq° İĈĭM klšĭl° qĭldĭ

(3) buḡušĭZ° ärdÄ° bän° ärdĭM]

(4) qujd^aqI quNĈ^ujĭMγA° dĭrĭldĭM°^aP^aMA

Перевод В. В. Радлова: (1) 'Когда я был трех лет (или: когда я, Кюни-тириг, был трех лет), я остался без отца, (2) мой старший брат Кюлюг-Тутук воспитал меня (zog mich auf), (3) от моих Кунчуй, живущих в Куй, я отделился'.⁴

В «Атласе» и в «Древнетюркских надписях Монголии» В. В. Радлова третья строчка оригинального текста оказалась выпущенной. В издании С. Е. Малова полнота текста была восстановлена.

Перевод С. Е. Малова: (1) 'Я, Кюни тириг, в три года оказался без отца. (2) Мой брат, известный тутук, сделал меня человеком (воспитал меня). (3) Среди беспечальных мужей я был (или: прежде я был без горя). (4) Я отделился (умер) от находящихся в тереме моих принцесс и от старших сестер'.⁵

Как видим, за исключением того, что ко времени создания этого перевода уже стало известно содержание выражения qujda quḡšĭjūt, а также ликвидации пропуска, радловское понимание грамматического строения текста здесь полностью сохранено. На первый взгляд такое понимание и не должно вызывать каких-либо сомнений. Однако обратимся к более детальному разбору текста надписи и отдельных его мест.

Первая строка. Смысл ее однозначен: сообщается, что лицо, обозначенное здесь как Кюни-тириг, в три года осталось без отца. Однако в грамматическом плане фраза не звучит гладко по-тюркски, если ее воспринимать как одно предложение. При личной форме глагола 1-го (а также 2-го) лица ед. (и мн.) числа подлежащее может быть представлено только соответствующим местоимением, имя же собственное Кюни-тириг (как и любое имя собственное или нарицательное) имеет грамматический статус 3-го лица ед. числа, а значит, не является подлежащим при данной глагольной форме. Обращение к аналогичным пассажирам других памятников подсказывает, что в данном месте исследуемого текста оказались сведенными в одну фразу два самостоятельных и грамматически (по синтаксическому лицу) неодинаковых предложения, т. е. следовало бы *küni tirig bän. üĉ jašymda qaqsyz boldum. Примеры такой более полной синтаксической структуры дают нам тексты Е 1, 3, 11, 14—16, 19, 37, 44 и др. Однако есть примеры, когда bän в предикативной позиции опускается, причем это имеет место и в двух других памятниках с Барыка (Е 5, 7), а также в Е 17, 45 и др. Думается все же, что в подобных случаях слияния двух синтагм в единую фразу не проис-

ходило, поэтому представляется более правильным синтагму с именем собственным грамматически обособлять, т. е. читать: '[Я] — Кюни-тириг. В три года. . .' (и т. д.)

Вторая строка. Слово *iċim* воспринималось переводчиками как термин родства в роли приложения к имени собственному (с титулом) Кюлюг-тутук. Однако это решительно противоречит синтаксису подобных оборотов в тюркских языках, в которых термин родства всегда занимает препозицию по отношению к слову, которому оно служит определением-приложением и которое может быть выражено именем собственным, титулом, названием профессии и т. п., ср.: *inim küġ tegin* 'мой младший брат Кюль-тегин', *eċim qaġan* 'мой младший (младше отца) дядя каган'. Следовательно, либо слово *iċim*, либо конструкция фразы нуждается в иной интерпретации. Словосочетание из второй строки *kiġi quldu* понималось в переводах как прозрачная идиома: «сделал человеком» > «воспитал», «вырастил». Нет ли здесь натяжки? Сделать человеком обычно — дать положение, образование, перевести в более значимый статус взрослого или взрослеющего человека, но все же не вырастить сызмальства. И не осовремениваем ли мы таким образом содержание текста, существовали ли отражаемые подобным фразеологизмом этические представления, возникающие на иных ступенях общественного развития?

Новый поворот в осмыслении содержания как данной фразы, так и всего текста может дать понимание здесь слова *kiġi* в значении 'женщина', 'жена', широко распространенном в древнеуйгурском языке. В енисейских текстах весьма показательно для подобной семантики употребление этого слова в памятнике № 18, где оно встретилось в сочетании со словом *quġda* на месте обычно применяемого в данной формуле слова *quċŋjum*, т. е.: . . . *quġda kiġim-ä* . . . (E18₃). Однако в двух других случаях — в текстах E46 и E11 *kiġi* не является синонимом, равноценной заменой слова *quċŋj*.

В первой строке надписи с р. Тэле покойный жалуется о своем эле (государстве) и своей супруге (или: своих супругах) в женских покаях: *elim* . . . *quġda quċŋjum* . . . (E46₁). В третьей строке данного текста первые два слова вместо *äldä äkiġim* 'в государстве мои копи (шахты)', как прочитано у С. Е. Малова,⁶ следует читать: *äldä kiġim* 'в непочетном месте (противоположном почетному) мои наложницы' (для значения первого слова см.: ДТС, с. 169, статья еl II). Здесь *kiġi* перечисляется в контексте с живым имуществом — скотом, поэтому и должно быть уверенно переведено как 'жена незнатная, ниже по положению, чем *quċŋj*', т. е. наложница.

Данное словосочетание и, что важно, в подобном же контексте встречается в надписи с р. Бегре: . . . *eldä kiġi qazġandum* (E11) ' . . . в (китайском) государстве (и) людей (жену?) я приобрел'.⁷ Замечательно, что С. Е. Малов уже догадывался о значении в таком контексте слова *kiġi*, давая его как возможное под вопросом, однако окончательно правильному истолкованию мешало понимание слова *eġ* как 'государство', отсюда предположение и об

иностранном государстве, что в свете нашего толкования совершенно излишне.

Пример из текста № 11 дает определенное указание на формульный характер словосочетания *eldä kiši*: синтаксическая конструкция определение-имя в местн. пад. + определяемое-имя «более удобна» в функции вокативного члена (как в Е 46) или субъекта, но здесь, в надписи с Бегре, данная синтагма находится в «менее удобной» для подобной конструкции позиции дополнения, что свидетельствует об известной устойчивости данного словосочетания. Нахождение же этой формулы в конце повествования (в рассказе о военной добыче в результате удачного похода на табгачского хана) вне связи с супругой (супругами), родными и близкими меморианта, упомянутыми в первых строках (аналогично тексту Е 46), не оставляет сомнений в предполагаемом значении, так что перевод цитированного предложения из Е 11 следует исправить на: '...наложниц для гарема я приобрел'.

Следует оговориться, что указанное значение слова *kiši*, очевидно, не является одинаковым и неизменным для всей енисеики (положение это, вероятно, действительно и в отношении целого ряда других терминов и формульных выражений), но в памятниках Е 11 и Е 46, с учетом контекста, выводится именно такое. Если допустить теперь, что и в Е 6 слово *kiši* означает наложницу (или жену), тогда перевод 1-го, 2-го, 4-го, 5-го слов этой строки составит: 'Кюлюг-тутук (или: тутук [чин] по имени Кюлюг) сделал меня женой'; перевод слова *ïim* не представляется ясным, см. об этом ниже.

Третья строка. Прежний ее перевод грамматически натянут, так как *ärdä* означает не 'среди мужей', а просто 'у мужа (мужей)'. Смысл фразы станет определеннее, поскольку слово *äg* теперь будет относиться к Кюлюг-тутуку. Слово *buqusuz* может пониматься как определение к *äg*, однако вероятнее, что это — вынесенное вперед припредикативное определение (прямой порядок слов должен быть **bän ärdä buqusuz ärdim*), следовательно, фразу нужно читать так: 'беспечальной у [этого] мужа я была'. Такой перевод больше соответствует духу многих — и не только енисейских — эпитафий, где обязательно наряду с деяниями покойного в благожелательном, верноподданническом смысле упоминается его сюзерен или покровитель. Если данная эпитафия действительно составлена от имени женщины, то отсутствие пассажа о прижизненных деяниях понятно, функционально его как раз и заменяет третья строка, очерчивающая в целом благополучную жизнь героини; при этом в социальном плане важно, даже, можно сказать, более важно, указание на властителя как на источник такого благополучия.

Четвертая строка. Традиционная формула «отделения от супруги ~ супруг» уместна прежде всего, конечно, в устах мужчины. Однако заключительное слово надписи арама явно не сочетается с остальным текстом строки при такой трактовке. Перевод С. Е. Малова '...и от старших сестер' не может

быть принят, потому что арама — вокативная форма (арамата-а 'о, моя старшая сестра'), а не дательный падеж, это наглядно демонстрирует рядом стоящее *qunçujumğa*. Если же считать, что с гаремом прощается одна из младших жен (resp. наложниц), тогда вокативная форма арама вполне оправдана, поскольку слово ара служит в тюркских языках для вежливого обращения как к старшим родственницам, так и вообще к женщинам старше себя, с которыми в родстве не состоят. Кстати, из лиц женского пола при прощании покойного упоминается жена (жены), иногда — дочери, но старшие сестры в надписях не фигурируют. С. Е. Малов сомневался в понимании данного места, выразив это знаком вопроса, но не в переводе при тексте, а в глоссарии.⁸

Еще один довод в пользу развиваемых положений вытекает из взаиморасположения строк 3 и 4. Сожаления по поводу расставания с супругой в надписях всегда следуют раньше упоминания «мужей», под которыми имеются в виду дружинники и другие знатные и благородные воины, люди отнюдь не близкие. В Е 6 при прежней трактовке данная последовательность была бы нарушена; однако при предлагаемом понимании подобная особенность построения текста оказывается оправданной: более близкой и важной фигурой является муж, а затем уже идут старшие жены, возможно, с особым упоминанием самой старшей жены.

Важное свидетельство, на наш взгляд, заключается в имени меморианта — Кюни-тириг. В нарицательном смысле слово *küni*, зафиксированное Махмудом Кашгарским, поразительно отвечает семантике женского имени. Переводы соответствующего места из «Дивана» все разные, ср.: а) жены одного мужа по отношению друг к другу (МК III 237 по турецкому изданию Бесима Аталая); б) положение одной наложницы по отношению к другой (ДТС, с. 327); в) вторая жена (в узбекском издании С. Муталлибова); г) соперница-жена (в переводе Т. А. Боровковой в «Словарь-индекс» узбекского издания). Общим в приведенных толкованиях — это можно сказать определенно — является то, что данное слово служит наименованием жен (жены) в полигамной семье, что вполне согласуется с нашим пониманием текста Е 6.

Вторая составляющая имени тоже, по всей видимости, указывает, с одной стороны, на принадлежность имени женскому ономастикону, с другой — на определенное общественное положение именуемой. Косвенным подтверждением этому служат некоторые употребления данного слова. Так, в единственном со словом *tirig* месте в памятнике в честь Кюль-тегина оно употреблено исключительно в «женском» контексте: *kül tigin. . . orduç birmädi ögim qatun ulaju öglärim äkälärim käliqünim qunçujlarım bunça jämä tirigi küñ boltaçy ärti ölügi jurtda jolta jatu qaltaçy ärtigiz* (КТ₄₈₋₄₉) 'Кюль-тегин. . . не отдал становища (ставки). Моя мать-катун, мои матери (другие жены отца), мои тети (жены брата отца), мои невестки, мои жены, — все вы, кто [остался бы] в живых — стали бы рабынями, а кто умер — валялись бы по дорогам'.

В «Легенде об Огуз-кагане», памятнике карлукско-уйгурском в своей основе, несмотря на заметное число огузских вкраплений,⁹ дважды употребляется *tirig barγu* 'живая добыча' в противопоставлении *ölüg barγu* 'неживая добыча, добро' (ЛОК 19—20, 31).¹⁰ Возможно, *tirig* относится здесь к пленникам обоего пола, однако не исключено, что брали и уводили в полон лишь женщин.

Во всяком случае по обоим примерам (КТ и ЛОК) с большой долей вероятности можно предполагать у слова *tirig* коннотацию «пленник» или даже «пленная женщина».

На основании семантики слов, составляющих собственное имя меморианта надписи Е 6 (семантики не до конца, впрочем, ясной), а также остального текста можно выдвинуть следующее, но, естественно, весьма гипотетическое истолкование жизненного пути Кюни-тириг. Став одной из жен (наложницей) сановника, имевшего значительный титул тугука (военного правителя области, см. ДТС, с. 593), эта женщина добилась какого-то особого положения, чтобы быть отмеченной поминальной надписью. В начале эпитафии Кюни-тириг говорит, что в три года она осталась без отца. Это, между прочим, твердо указывает на ее принадлежность к феодальному сословию: только в таком случае смерть отца являлась особенно ощутимой потерей для семьи, поскольку ее феодальное владение, и, главным образом, социальное положение (старшинство в роде, фратрии, племени и т. п.) становились добычей других алчных и бесцеремонных феодалов. Кюни-тириг, видимо, еще маленькой была взята в дом тугука: на это помимо семантики ее имени каким-то образом, как нам кажется, указывает непереведенное слово *içim* во второй строке, которое надо понимать как определение к слову *kişi* в приближительном значении 'своя, из дома, из свиты, не со стороны' (если только оно не значит гораздо большее — 'приближенная, доверенная, любимая').

С учетом предложенных истолкований перевод текста памятника Е 6 выглядит следующим образом.

(1) '[Я] — Кюни-тириг. В три года я осталась без отца. (2) Военный правитель Кюлюг сделал [меня] своей женой. (3) Беспечальной была я у [этого] мужа. (4) От моих ханш, что в гареме, я отделилась. О, моя старшая [~моя госпожа]!

Как минимум, еще одна енисейская эпитафия в свете принятых размысканий должна быть отнесена к женским поминальным надписям. Это короткий текст из двух строк на восьмом памятнике с р. Чаа-Холь (Е 20):

(1) *türt uγlum bʰr üCün ˚ bʰäγkümʰn t[iktı]* // (2) *külüg aPA bʰän ˚*

Перевод: '(1) Из-за того что у меня четверо сыновей, водружили мой памятник. (2) Я — Кюлюг-апа'.

В грамматическом отношении текст абсолютно ясен; лексически же предлагаемый перевод отличается от перевода С. Е. Малова иной интерпретацией только одного слова — ара. Вторую строку С. Е. Малов расшифровал так: «Я именитый отец»;¹¹ в нашем понимании она означает, что мемориант — женщина, при-

чем немолодая, и это передается прибавлением в постпозиции к имени собственному приложения-гонорификатора, в роли которого выступает родственный термин ара (в собственном значении термины родства, как уже упоминалось, выступают в пре-позиции). В сравнении с надписью Е 6 в настоящей речь идет, вероятнее всего, о собственно старшей жене феодала, дети которой имели наибольшие права.

Отнесенность надписи к женщине делает понятным не только краткость текста,¹² но и его содержание, а именно мотивацию установки памятника («из-за того, что у меня есть четверо сыновей»), не встречающаяся в других енисейских текстах: поминальные надписи в честь мужчин высекались в знак их заслуг и высокого положения; здесь же единственным основанием послужило, по-видимому, высокое положение сыновей чаахольской матроны. Из последнего вытекает, впрочем, и то, что ко времени своей кончины она была уже вдовой.

Женские поминальные надписи, судя по всему, редкий жанр в енисейской рунике. Тем не менее эти тексты при скрупулезном анализе способны дать ценный исторический материал.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв. Л., 1980, с. 11.

² Radloff W. Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei. St.-Pb., 1894—1895, S. 300; Кононов А. Н. Грамматика языка тюркских рунических памятников VII—IX вв., с. 3.

³ Запись текста в «интерпретирующей транслитерации» основана на наших предложениях (*Кормушин И. В.* К основным понятиям тюркской рунической палеографии. — СТ, 1975, № 2, с. 34—36), высказанных в обобщение и развитие практики, сложившейся в тюркологии. Постоянное применение цифровой индексации для указания на рядность согласных, как это сделано, на наш взгляд, неудачно в издании Д. Д. Васильева (*Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея.* Л., 1983), затрудняет восприятие текста. По-видимому, «целесообразно сохранять в транслитерации, как это делал С. Е. Малов, указание на ряд согласных в случаях совмещения знаков обоих рядов в одном слове, а также в некоторых других случаях, когда может возникнуть неясное представление об оригинальном написании» (*Кормушин И. В.* К основным понятиям тюркской рунической палеографии, с. 35). В качестве некоторых изменений, вызванных особенностями передачи сибиллянтов в данном памятнике, мы вынуждены ввести обозначение здесь руны Ү знаком Š, а руны ʌ — знаком Š.

⁴ Radloff W. Die Alttürkischen Inschriften der Mongolei, S. 309.

⁵ Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков: Тексты и переводы. М., Л., 1952, с. 21—22.

⁶ Там же, с. 83.

⁷ Там же, с. 29.

⁸ Там же, с. 102.

⁹ Щербак А. М. Огуз-наме. Мухаббат-наме: Памятники древнеуйгурской и староузбекской письменности. М., 1959, с. 101—107.

¹⁰ Там же, с. 40—41, 52.

¹¹ Малов С. Е. Енисейская письменность тюрков, с. 42.

¹² Места на стеле хватило бы для более пространного текста, см. экспликацию памятника в кн.: Васильев Д. Д. Корпус. . . , с. 22.